25.10.2021 19:45:00

Свободные места в СИЗО подорожали втрое

Альтернативные меры пресечения не применяют даже ради экономии бюджета

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: госпрограмма, юстиция, строительство, сизо, расходы

На сооружение современных изоляторов типа «Кресты-2» теперь требуется еще больше денег. Фото PhotoXPress.ru

В госпрограмме «Юстиция» говорится о строительстве до 2030 года новых СИЗО, соответствующих современным стандартам. В Минюсте подсчитали, что создания одного места для арестанта теперь стоит не менее 6 млн руб. В проекте бюджета на 2022 год эти расходы заложены. Затраты можно было бы сократить, если бы следствие и суды активнее применяли альтернативные меры пресечения. Например, это денежный залог за обвиняемого или личное поручительство со стороны других граждан. Однако власти не хотят идти на такую гуманизацию хотя бы просто для сбережения казны.

Власти признают, что не могут снять проблему перенаселения СИЗО каким-либо иным методом, кроме как строительством новых изоляторов. Это и ранее было недешевым решением для российского бюджета, а теперь оно подорожало втрое.

Как заявил на днях на заседании комитета Госдумы по бюджету министр юстиции РФ Константин Чуйченко, его ведомство уже ведет расчеты, пытаясь «определить норматив стоимости создания одного места содержания следственно-арестованного». И пока получается цифра примерно в 6 млн руб., хотя еще в 2017 году на это тратилось в среднем 2 млн руб. По словам Чуйченко, сотрудники министерства работают над тем, чтобы сократить планируемую в бюджете сумму. Напомним, что в целом на реализацию госпрограммы «Юстиция», которая будет действовать до 2030 года, в 2022-м планируют выделить около 322,7 млрд руб., из которых 246 млрд пойдет как раз на деятельность Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). Как уточнил министр, в программе заложена задача довести количество СИЗО, условия содержания в которых соответствуют российскому законодательству и международным стандартам, до 87,5%. При этом на начало октября в изоляторах содержалось порядка 124 тыс. человек.

Опрошенные «НГ» эксперты напомнили, что ныне работающие изоляторы переполнены, но альтернативные заключению под стражу меры пресечения принимаются судами не просто редко, а зачастую еще и избирательно. Под домашний арест следователи отправляют обвиняемых не слишком охотно, но все-таки иногда. Заработала, но пока не стала актуальной и такая новая мера пресечения, как запрет определенных действий. Однако, например, институт денежного залога, по сути дела, не развивается, а только разваливается, хотя люди в принципе готовы изыскивать средства, чтобы не попадать в СИЗО.

Количество исправительных учреждений, включая СИЗО и изоляторы временного содержания (ИВС), остается практически неизменным со времен СССР, более того, и рассчитано на основании статистики преступлений тех времен, сказал «НГ» адвокат Алексей Гавришев. По его мнению, новое строительство – нецелесообразная и надуманная мера, она свидетельствует «лишь о намерении судов и правоохранительных органов все чаще применять в отношении обвиняемых и подозреваемых меру пресечения в виде заключения под стражу». Между тем в российском законодательстве прописаны восемь видов меры пресечения – от подписки о невыезде до взятия под стражу. Однако, подтвердил он, залог почти не применяется. А личное поручительство как институт вообще существует только на бумаге, поскольку не продуманы механизмы его реализации. Даже домашний арест, который, напомнил Гавришев, вообще-то является не менее жесткой мерой, но «не требует от государства расходов на содержание арестованного», все равно применяется значительно реже, чем отправка в СИЗО.

Следователям, дознавателям и оперсотрудникам намного проще работать по уголовным делам в условиях полной изоляции обвиняемых – и получается, что судьи их в этом чаще всего поддерживают. К примеру, в 2020 году московские суды удовлетворили 5 тыс. из 7 тыс. ходатайств о заключении под стражу. «Держать в СИЗО много людей – это какая-то своего рода национальная традиция, идущая с давних времен, как и плохие условия содержания», – подчеркнул член адвокатской палаты Москвы Александр Лебедев. Хотя он признал, что такая новая мера, как запрет определенных действий, все-таки сейчас набирает популярность в судах.

«Самой популярный меры пресечения является СИЗО, реже используются домашний арест», – подчеркивает адвокат АП Московской области Александр Манухин. Возможно, по его словам, следственные органы справедливо опасаются, что материалы расследования могут быть разглашены или что подозреваемые смогут повлиять на свидетелей. Однако точно можно сказать, что в изоляторе нередко нарушаются права адвокатов, не говоря уже об их доверителях. СИЗО просто придумывают различные причины для недопуска защитников. Раньше, к примеру, требовали разрешений от следователя или судьи, но сейчас эта практика почти сошла на нет, видимо, потому, что есть иные ограничения, в том числе «ковидные».

«Засилье решений о заключении под стражу (почти 90%) и редкие случаи применения альтернативных мер (залог – 0, 05%, домашний арест – 3, 73%) объясняются только тем, что учитываются интересы следствия», – подтвердил «НГ» советник Федеральной палаты адвокатов Нвер Гаспарян. Это упрощает производство расследования, исключает неявки и побеги, а главное, по его словам, предоставляет прекрасные возможности «убедить» обвиняемого признать свою вину и уличить других соучастников, чтобы потом в качестве бонуса, может быть, получить освобождение из-под стражи. Но нередко избрание судами самой суровой меры пресечения происходит либо под влиянием общественного мнения, либо с целью избежать подозрений в коррупции.

«Хотелось бы надеяться, что когда-нибудь приговоры и меры пресечения будут применяться не по шаблону, а исходя из общественной опасности содеянного подсудимым и его личности», – сказал «НГ» вице-президент Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству Владимир Кузнецов. Домашний арест, личное поручительство и даже залог – и это при таком большом количестве расследований именно экономических преступлений, «практически не используется судами, поскольку существуют определенные стереотипы, выработанные годами практики и привычки». Он согласен, что судьи отказываются проявлять мягкосердечность и потому, что боятся выговоров от начальства. «Но в целом просто гораздо удобнее «закрыть» всех подозреваемых, обвиняемых в СИЗО до вынесения приговора. И финансирование системы в этом случае оправданно, и расширение штата сотрудников», – считает Кузнецов.

Руководитель МКА «Князев и партнеры» Андрей Князев напомнил, в свою очередь, о проблеме «дежурного обоснования». Чтобы оставить обвиняемого под стражей, следователю зачастую достаточно просто перечислить в суде основания, предусмотренные в ст. 97 УПК, не доказывая их наличие в конкретном деле, или произнести дежурные фразы о тяжести инкриминируемого деяния, необходимости проведения следственных действий и отсутствии у лица социальных связей. То есть проблема в отсутствии судебного контроля за предварительной квалификацией вмененного преступления. И бывает так, что «через полтора года нахождения в СИЗО гражданин осуждается за преступление средней тяжести, по которому продление срока содержания под стражей свыше

шести месяцев законом вообще не допускается». По мнению Князева, возможным способом изменения сложившейся практики могло бы стать возрастание роли Верховного суда: «Учитывая, что на сегодняшний день рассмотрение вопросов о мерах пресечения, по большому счету, замыкается на региональном уровне, ВС, если он действительно захочет изменить ситуацию, мог бы инициировать законодательные изменения по превращению себя в «третью инстанцию». Это позволило бы ВС не только в реальном времени отслеживать положение дел, но и реагировать на него процессуальными методами».